

Karłowskiej-Kamzowej / Pod red. Jacka Kowalskiego i Tomasza Ratajczaka. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2011. – S. 301–303.

25. Tropami świętego Wojciecha. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 1999. – 412 s.

26. Wojtyska, H. D. Początki kultu i procesy kanonizacyjne św. Kazimierza / H. D. Wojtyska // *Analecta Cracoviensia*. – 1984. – XVI. – S. 187–229.

УЧАСТИЕ РОССИИ В ПОДАВЛЕНИИ ВОССТАНИЯ ИХЭТУАНЕЙ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

С. А. Лапицкий

Минск, Белорусский государственный университет, anti-buch@yandex.by

Проникновение иностранного капитала в Китайскую империю происходило в крайне недружественной, по отношению к Китаю, форме. Российская империя, кроме экономических связей также имела политические соглашения с Китаем. Так, Россия имела соглашение о взаимной обороне с Китаем против третьих стран, и обязательство не использовать свои железные дороги для торговых целей. Несмотря на это, Российская империя активно участвует в интервенции в Китай с целью подавления восстания ихэтуаней (боксёров), которое угрожало экономическим интересам Российской империи. Разрушительная интервенция, а также оккупация и удержание Маньчжурии Россией, стали причиной полной утраты Китаем веса в международных делах. В России же, тем не менее, господствовали оптимистические настроения о нерушимости союза с Китаем.

Ключевые слова: Восстание ихэтуаней; Боксёрское восстание; Российская империя; Империя Цин; Маньчжурия; международные отношения; интервенция; коалиция восьми держав; китайско-российские отношения; Век унижения.

The penetration of foreign capital into the Chinese Empire took place in an extremely unfriendly form in relation to China. The Russian Empire, in addition to economic connections, also had political agreements with China. Thus, Russia had an agreement on mutual defense with China against third countries, and an obligation not to use its railways for trade purposes. Despite this, the Russian Empire is actively participates in the intervention in China with the goal of suppressing the uprising of Yihetuan's (Boxers), which threatened the economic interests of the Russian Empire. The devastating intervention, as well as the occupation and retention of Manchuria by Russia, became the reason for the complete loss of China's weight in international affairs. In Russia, however, optimistic sentiments about the inviolability of the alliance with China prevailed.

Keywords: Yihetuan rebellion; Boxer rebellion; Russian Empire; Qing Empire; Manchuria; international relations; intervention; Eight-Nation Alliance; Sino-Russian relations; Century of humiliation.

Восстание ихэтуаней (боксёров) имело в своём основании явные экономические и социальные основы. Проникновение иностранного капитала, безусловно, напитывало процессы модернизации и трансформации в стране, но это же разрушало устоявшийся экономический и жизненный уклад в стране. Дополнительным ударом к взрывообразному обнищанию огромного количества китайцев стала серия засушливых лет вкупе с наводнением в долине реки Хуанхэ 1898 г., которое, из-за отсутствия должного обслуживания дамб, стало ежегодным событием. На северо-востоке Китая царили голод, тиф, холера. Регион, позднее прочих столкнувшийся с иностранными державами, подвергался их экономической

и политической агрессии с куда большими интенсивностью и размахом. Ихэтуани видели своей целью изгнание иностранцев из страны, т. к. в них видели, и небезосновательно, оккупантов и поработителей [3, с. 126–127; 6, с. 250; 11, с. 19–20; 20, р. 116–117].

Само участие России в подавлении этого восстания являлось шагом огромной сомнительности. Да она к этому и не особо стремилась на первых порах – однако непосредственное охранение участков российской железной дороги в Маньчжурии была доведено до 11 тыс. человек, с артиллерией, и пополняемых за счёт мобилизации в Приамурье [3, с. 135; 13, с. 251]. Так же, Россия была связана с Китаем союзным договором от 22 мая 1896 г., который давал сторонам взаимные оборонительные гарантии, ст. 4 заявляла о постройке железной дороги через Маньчжурию, что должно было осуществляться Русско-китайским банком, а ст. 5 утверждала, что эта железная дорога будет использоваться только для оборонительных нужд и транзитных перевозок, но не станет инструментом торгового проникновения в страну [17, с. 73–74].

Относительное большинство в коалиционном войске восьми держав, подавлявших восстание ихэтуаней, было за японцами (10 тыс.; Россия первоначально ввела 4 тыс. солдат [10, с. 499; 13, с. 249], затем пополнив их подразделениями из Порт-Артура [7, с. 226]), а командовал этим войском немецкий фельдмаршал Вальдерзее, который далеко не сразу сумел принять на себя командование. На самом деле, до того, как прибыл на Дальний Восток, коалиционные войска успели занять Пекин. В это время ими командовал русский генерал Линевиц [9, с. 79–80]. Российская сторона, понимая свои интересы в Китае, не считала необходимым особенно рьяно защищать чужие – в интересах России было овладеть Маньчжурией, Пекин был не в зоне её интересов, и, более того, было очевидно, что выгоду от захвата китайской столицы получить может Британия или Япония, но не Россия [18, с. 569–570].

На первых порах действия коалиции ограничивались демонстрацией сил – высадкой незначительных десантов, манёврами кораблей, укреплениями в посольских кварталах, что, по идее, должно было напугать ихэтуаней, но лишь увеличивало ненависть к иностранцам. Но с нарастанием сил иностранных держав росла и их подозрительность друг к другу. Англия, Россия, Япония стремительно наращивают свои силы в регионе, стремясь не дать конкуренту заполучить преимущество [7, с. 189–190]. В битве при Бэйцане коалиция, имея 15 тыс. солдат и офицеров, 53 орудия и 26 пулемётов, потеряла порядка 1100 человек (из них 600 – русских), что стало едва ли не самыми крупными потерями коалиционных войск за кампанию [7, с. 314–315; 18, с. 548].

Взятие Пекина 14 августа 1900 г. сопровождалось огромными потерями для китайского населения. Экспедиция по спасению посольств превратилась в экспедицию устрашения и уничтожения. 100 тыс. лянов было получено от казны города для покрытия затрат на оккупацию города, и дополнительные 240 тыс. лянов были распределены между оккупационными войсками [19, р. 130]. Российские войска не принимали участия в карательных акциях, более того, царское правительство призывало прочие державы как можно скорее вывести войска из Пекина, а наказание и контрибуцию, возлагаемые на Китай максимально сократить [20, р. 126]. Не из человеколюбия, а стремясь не дать европейцам навязывать свою политику Китаю, которому, как считалось, уже была навязана пророссийская. Однако, китайцы запомнили, что Пекин был взят и отдан на разграбление русским генералом, что российские войска первыми атаковали стены Пекина [19, р. 133], и

что российские солдаты, офицеры, и генералы наравне со всеми участвовали в грабежах [2, с. 146; 3, с. 136–137].

К тому же, главнейший интерес России лежал не в Пекине, который был сравнительно быстро оставлен русскими, а в Маньчжурии. Ввод российских войск в Китай превратил отдельные инциденты в партизанскую войну [2, с. 146]. Атаковались линии ж. д., телеграфной и телефонной связи, в районе Ляояна были сожжены российские угольные копи, между Ляояном и Мукденом было прервано ж. д. сообщение, в Мукдене бунтовали китайские солдаты. В районе Благовещенска, в ответ на падение под ударами коалиции Тяньцзина, начались пограничные бои. Россия начала с “благовещенской резни”, когда форсировавшие Амур российские войска повторили то, чем “прославились” немцы и японцы в Пекине и окрестностях. Русские войска, введённые в Маньчжурию под предлогом защиты строительства КВЖД “от бандитов”, вмешивались во внутренние дела Маньчжурии, отметились актами вандализма, и насильно выселили со своей территории жителей существовавших ещё с прошлого столетия в устье р. Зеи 64 военных поселений маньчжуров и китайцев. В течении двух месяцев, к октябрю 1900 г., российская армия контролировала всю Маньчжурию [6, с. 253; 7, с. 245, 255, 267; 11, с. 30–31; 15, с. 63]. После падения Пекина восстание фактически прекратилось, хотя как действия отдельных отрядов, так и грабежи иностранными армиями, продолжались ещё длительное время. Было приговорено к смерти около 120 китайских чиновников [19, р. 135]. Прибывали войска, предназначенные специально для карательных действий, террора и устрашения китайского населения. На этом фоне в конце октября 1900 г. началась Пекинская конференция между Китаем и странами коалиции, и присоединившихся к ним Бельгии, Нидерландов, и Испании [11, с. 31]. Она растянулась почти на год, “Заключительный протокол” был подписан китайской стороной 7 сентября 1901 г. По нему на Китай возлагалась вся ответственность за восстание ихэтуаней. Он был обязан оплатить все расходы иностранных держав, до памятников и надгробий включительно (ст. 4) [5, с. 86–87]. На два года, с правом продления этого срока иностранными государствами, запрещался ввоз любого оружия в Китай для продажи (ст. 5) [5, с. 87]. На Китай возлагалась огромная контрибуция в 450 млн. ланов золотом, выплатить которую он должен был в течение 39 лет из расчета 4% годовых, т.е. в итоге около 982 млн. ланов. Фактическая сумма была ещё выше, т. к. при переводе ланов в иную валюту Китай ежегодно терял дополнительных 3 млн. ланов. Изначальная цифра в 450 млн. ланов не имеет никакого отношения к понесённому иностранными представителями урону, она была назначена из “красивого” расчета “1 лян на 1 китайца” [1, с. 49]. Годичные сроки выплат и полугодовые сроки уплаты процентов не оставляли Китаю иных способов выплаты, кроме как обращения к займам, что превращало и без того катастрофическую ситуацию в неразрывный порочный круг [3, с. 50]. Морские и внутренние таможи, соляной налог, и сбор всех важнейших налогов, кроме налогов с полей, полностью переходили под контроль иностранцев (ст. 6) [5, с. 87–88]. Посольские районы становились самостоятельными городами, с гарнизонами при орудиях и пулемётах (ст. 7) [5, с. 88], что обошлось Китаю разрушением 1400 домов в Пекине, общей стоимостью 350 млн. ланов [7, с. 328]. Уничтожались оборонительные форты Пекина, что делало город беззащитным перед любой агрессией (ст. 8) [5, с. 89], ряд городов прямо оккупировался иностранцами, что дополнительно обеспечивало контроль над железными дорогами (ст. 9) [5, с. 89]. Ст. 10 касалась новой внутренней политики, которую отныне должен был проводить Китай [5, с. 89–90]. Цинские власти становились обязаны немедленно казнить

любого, кто принадлежал бы к антииностранный партии, фактически уничтожался контроль центральных китайских властей над рядом важнейших городов, т. к. в них прекращала действовать система экзаменов чиновников, а сами городские чиновники оказывались под угрозой смещения по малейшему требованию иностранных представителей [11, с. 32; 18, с. 574–575].

Из 450 млн. лан доля России составляла 28,97%, т. е., 130 млн. лянгов или 184 млн. руб., что делало контрибуцию в пользу России самой большой из стран коалиции. Следовавшая за ней Германия получала 90 млн. лянгов (20%), а введшая больше прочих войск Япония – 35 млн. (7,7%) [13, с. 262; 20, р. 124, 127]. Потери России, понесённые в ходе восстания ихэтуаней, оценивались в 70 млн. руб. убытков Китайской Восточной ж. д. и 100 млн. руб. прямых военных расходов, но они не погашались контрибуцией, а пересчитывались в качестве долга Китая Обществу КВЖД [13, с. 285]. Но в первую очередь Россию интересовала Маньчжурия. Россия стремилась установить над ней полный контроль, “русский правительственный надзор”. Цыси и Пекину при этом обещалась всяческая поддержка в переговорах с иными державами-победителями [18, с. 566]. Для этого начинаются переговоры с местными губернаторами трёх маньчжурских провинций, без участия Пекина в них, для чего 27 октября 1900 г. с ними заключается “Предварительное соглашение”. По п. 1 местная гражданская администрация ставилась в полную зависимость от российских чиновников, при которых, по п. 7, создавался институт российских комиссаров. В соответствии с п. 2 в Маньчжурию, для охраны железных дорог, строек, и “обеспечения порядка в крае” вводились российские войска, снабжение которых ложилось на плечи китайской стороны. По п. 3 Китай отказывался от размещения любых возможных вооружённых силы в Маньчжурии, и передавал России арсеналы, а п. 4 требовал уничтожить незанятые российскими войсками укрепления, форты, батареи, и склады боеприпасов. П. 5 передавал не только военную, но и гражданскую власть в г. Инкоу в руки России. Местные китайские власти, в качестве инструмента подавления антироссийских выступлений получали право по п. 6 на пешую и конную полицию, и по п. 8 – на обращение за помощью к российским войскам. Всё это подавалось как “временная” мера, но сроки оной никак не обозначались и не ограничивались [12, с. 267–269; 13, с. 266]. Фактически возглавлявший китайское правительство Ли Хун-чжан был согласен на любые уступки, лишь бы добиться сохранения власти за Цыси (и, соответственно, за собой и своей кликой), и поэтому согласился на проведение Россией оккупации Маньчжурии. Возвращение Цыси, с готовностью обменявшей власть над страной на китайский трон, продолжило безудержные траты – первым, что было отстроено в Пекине, стал дворец “Ихэюань”, а ежедневные расходы двора составили 40 тыс. лянгов [18, с. 576].

В конечном счёте, от оказавшейся де-факто чуть менее, чем двухлетней, но начинавшейся, де-юре бессрочной, российской оккупации Маньчжурии, было решено формально отказаться 26 марта 1902 г. В этом был только голый расчёт Витте, который, натолкнувшись на дружное сопротивление Германии, Англии, Японии, США и даже Италии, был вынужден умерить первоначальные амбициозные планы по превращению Маньчжурии в “приложение” к Обществу КВЖД. Россия очищала Маньчжурию от своих регулярных войск, заручившись гарантиями на строительство в Маньчжурии новых железных дорог и их охрану китайскими властями. Может показаться, что отказ Витте от собственных первоначальных замыслов был его поражением, но, умея отступить, он спас всё маньчжурское предприятие России [13, с. 291; 16, с. 91–93; 20, р. 128].

В целом же, политика России заключалась в том, чтобы продемонстрировав максимальное благородство и снисходительность к Китаю, иметь на руках большие возможности для влияния в вопросе Маньчжурии, которая и так уже была практически полностью занята российскими солдатами. С этой целью Россией предпринимались попытки сепаратных переговоров с Китаем, которые, правда, принесли куда меньше пользы, чем вреда, спровоцировав конфликт с другими странами [4, с. 130]. Выход из Пекина всех войск коалиции должен был не только заработать для России политические очки, но и способствовать возвращению ситуации к столь выгодному довоенному положению дел. Однако с этим Россия просчиталась дважды – союзники не покинули столицу, начав свои интриги, и Россия уже по факту соучастия в войне против Китая не имела тех выгодных отношений с Китаем, что у неё были до этого. Участие России в подавлении восстания ихэтуаней полностью и окончательно переломило китайско-русские отношения. Что не помешало российскому ура-патриотическому обществу пребывать в уверенности в том, что китайцы не просто “так же” дружественны, как и раньше, но искренне пребывают в восторге от “милости и добродетели” российских войск. Бывший тогда военным корреспондентом при российских войсках в Китае П. Н. Краснов отлично выражает эти настроения: “Русских все полюбили, даже враги-китайцы, и те любили нас... Такая война святая... Царь наказал богдыхана, царь и помиловал... И добрая слава пошла о русских по всему Китаю, по всей Азии” [8, с. 119–120]. Даже гораздо более взвешенные и рациональные свидетельства профессора А. В. Рудакова содержали крайне опрометчивые и чрезмерно оптимистичные оценки и выводы: “Мы не создали на Востоке всей той суммы явлений... которые... послужили причиной общего пожара на Востоке. Китай мстил, но мстил Западу. Наше столкновение с Китаем является недоразумением... Небесная Империя не должна предъявлять нам никаких счетов, так как их нет” [14, с. 77].

Китайско-русские отношения во время восстания ихэтуаней пережили непонятую в России катастрофу. В восстании ихэтуаней Россия занимала место одного из провокаторов и интервентов. Последующие действия привели к отторжению от Китая Маньчжурии и восстановлению ненавистной императрицы Цыси, с придворной кличкой Ли Хун-чжана, как удобными контрагентами российского проникновения в Китай. Таким образом, говорить о каких бы то ни было китайско-русских отношениях после 1900 г. можно весьма условно – Китай окончательно превращается из субъекта международных отношений в объект. “Китайско-русские” отношения сменяются отношениями России с Японией, Британией и прочими партнёрами “по китайскому вопросу”. С момента заключения оборонительного союза 1896 г. прошло около четырёх лет, и Россия уже трижды показала себя крайне ненадёжным союзником. С 14 ноября 1897 г. по 6 марта 1898 г. Германия проводит военную и дипломатическую акцию по захвату города Цзяочжоу и Шаньдунского полуострова, но Российская империя не только этому не препятствует, но и сама захватывает Порт-Артур и Ляодунский полуостров [2, с. 113–114; 3, с. 103–105; 9, с. 78]. Теперь же Россия участвовала в захвате столицы своего военного союзника. А ведь уже тогда был остр русско-японский конфликт, и очевидно было его неизбежное разрешение исключительно войной.

Библиографические ссылки

1. Болдырев, Б. Г. Займы как орудие закабаления Китая империалистическими державами (1840–1948) / Б. Г. Болдырев. – М.: Госфиниздат, 1962. – 226 с.

2. Витте, Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 1. Царствование Николая II / С. Ю. Витте. – Л.: Госиздат, 1924. – 471 с.
3. Ефимов, Г. В. Очерки по Новой и Новейшей истории Китая / Г. В. Ефимов. – М.: Госполитиздат, 1951. – 584 с.
4. Жуков, Е. М. Международные отношения на Дальнем Востоке (1870-1945) / Е. М. Жуков – М.: Госполитиздат, 1951. – 790 с.
5. Заключительный протокол между Китаем и иностранными державами (25 августа 1901) // Русско-китайские отношения 1689-1916 гг. – М.: Восточная литература, 1958. – С. 84-91.
6. История Востока: в 6 т. / глав. ред. Р. Б. Рыбаков, и др. – М.: Вост. лит. 2005 – Т. 4. Восток в Новое время. Кн. 2. / Л. Б. Алаев и др. – 574 с.
7. Калюжная, Н. М. Восстание ихэтуаней (1898-1901) / Н. М. Калюжная – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. – 365 с.
8. Краснов, П. Н. Борьба съ Китаемъ / П. Н. Краснов – С-Петербургъ: “Русское Чтеніе”, 1901 – 121 с.
9. Мясников, В. С. Империя Цин и Россия в 18 – начале 20 в. / В. С. Мясников, Н. В. Шепелева // Китай и соседи в Новое и Новейшее время. / под ред. С. Л. Тихвинского – М.: Наука, 1982. – С. 34-89.
10. Непомнин, О. Е. История Китая: Эпоха Цин / О. Е. Непомнин – М.: Институт востоковедения РАН, 2005. – 712 с.
11. Непомнин, О. Е. История Китая. XX век / О. Е. Непомнин – М.: Институт востоковедения РАН. 2011. – 722 с.
12. Предварительное соглашение (о восстановлении в Маньчжурии управления с цзян-цзюнем во главе), Порт-Артур, 27 октября 1900 г. // Романов, Б. А. Россия в Маньчжурии (1892-1906) / Б. А. Романов. – Л.: Издание ЛВИ им. А.С. Енукидзе, 1928. – С. 267-269.
13. Романов, Б. А. Россия в Маньчжурии (1892-1906) / Б. А. Романов. – Л.: Издание ЛВИ им. А.С. Енукидзе, 1928. – 605 с.
14. Рудаковъ, А. В. Общество И-Хэ-Туань и его значеніе въ послѣднихъ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ / А. В. Рудаковъ. – Владивостокъ: Паровая типо-литографія тов-ва Сущинскій и Ко, 1901. – 83 с.
15. Самойлов, Н. А. От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г. / Н. А. Самойлов // Россия и Китай: четыре века взаимодействия / под ред. А. В. Лукина – М.: “Весь мир”, 2013. – С. 15-118.
16. Соглашение между Россией и Китаем относительно Маньчжурии (26 марта 1902 г) // Русско-китайские отношения 1689-1916 гг. – М.: Восточная литература, 1958. – С. 91-94.
17. Союзный договор между Россией и Китаем. (22 мая 1896 г.) // Русско-китайские отношения 1689 – 1916 гг. – М.: Восточная литература, 1958. – С. 73-74.
18. Фань Вэнь-лань. Новая история Китая / пер. с кит. Р. В. Вяткин, Б. Г. Мудров, и др.; ред. В. Н. Никифоров – М.: Иностранная литература, 1955. – 630 с.
19. Elleman, B. A. Modern Chinese Warfare, 1795–1989 / Elleman, B. A. – London and New York: Routledge, Taylor & Francis, 2001 – 363 с.
20. Hsy, Immanuel C. Y. Late Ch'ing foreign relations, 1866-1905 / Immanuel C. Y. Hsy // Cambridge History of China: in 15 volumes. Volume 11. Late Ch'ing, 1800-1911, Part 2 / J. K. Fairbank, K. C. Liu. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. – P. 70–139.